

МИР И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ THE WORLD AND DIGITAL TRANSFORMATION

**Тема номера: Цифровые инструменты: формирование экономического
и политического ландшафта в современном мире**
**Special Theme Section: Digital Tools: Shaping the Economic and Political
Landscape in the Modern World**

научная статья / research article

УДК: 327

EDN: [JWHUOZ](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.1.1](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)

Феномен искусственного интеллекта в контексте современных международных процессов

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
bahtur_zz@spbstu.ru

Баранов Николай Алексеевич

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Санкт-Петербург, Россия
[✉ nicbar@mail.ru](mailto:nicbar@mail.ru)

Аннотация

Введение. Искусственный интеллект стремительно внедряется в различные сферы жизнедеятельности, оказывая значительное влияние на экономику, политику и общество. Это требует осмысления новых реалий и выработки адекватных подходов к управлению международными процессами. Актуальность избранной темы обусловлена новыми формами взаимодействия государств и негосударственных субъектов, изменением традиционных моделей принятия решений, возникновением новых вызовов и угроз, связанных с использованием искусственного интеллекта в военных целях, киберпреступностью и информационным противоборством. Цель исследования – выявить основные тенденции актуализации технологий искусственного интеллекта в международной практике, решающим образом влияющих на международные отношения. Поэтому предметом исследования выступает феномен искусственного интеллекта, рассматриваемый в контексте его воздействия на современные международные процессы, включающие дипломатическую деятельность,

информационное противоборство, возникновение новых угроз и возможностей в сферах обороны и безопасности, становления цифрового суверенитета государств, а также международного сотрудничества.

Методы и материалы. В исследовании использованы контент-анализ официальных документов, формально-логический анализ, кейс-стади, дискурс-анализ СМИ и официальных текстов, а также концепция акторности в международных отношениях.

Результаты. В результате исследования выявлено, что искусственный интеллект становится полноправным участником системы международных отношений, постепенно обретая субъектность. Он активно применяется в сфере дипломатии, влияет на природу войн, переопределяет понятие суверенитета и создает новые инструменты геополитического влияния. Для минимизации рисков мировому сообществу необходимо создать общие этические и правовые нормы применения искусственного интеллекта. Однако препятствием общему согласию являются разногласия между странами, являющимися лидерами в разработке технологий искусственного интеллекта.

Обсуждение и заключение. Полученные выводы были использованы для выработки практических рекомендаций государствам и международным организациям, а также для международного многостороннего сотрудничества в области искусственного интеллекта. Главная рекомендация, вытекающая из исследования, заключается в необходимости перехода от реактивного к проактивному и превентивному управлению трансформацией, которую несет искусственный интеллект.

Ключевые слова: акторность; международные отношения; генеративный искусственный интеллект; ИИ-дипломатия; информационное противоборство; сетевые платформы; цифровой суверенитет

Для цитирования: Бахтуридзе З.З., Баранов Н.А. Феномен искусственного интеллекта в контексте современных международных процессов // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 1. С. 9–25. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.1>. EDN: JWHUOZ.

© Бахтуридзе З.З., Баранов Н.А., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The Phenomenon of Artificial Intelligence in the Context of Modern International Processes

Zeynab Z. Bakhturidze

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
bahtur_zz@spbstu.ru

Nikolay A. Baranov

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia
 nicbar@mail.ru

Abstract

Introduction. Artificial intelligence is rapidly penetrating various spheres of life, significantly impacting the economy, politics, and society. This requires understanding these new realities and developing appropriate approaches to managing international processes. The relevance of this topic stems from new forms of interaction between states and non-state actors, changes in traditional decision-making models, and the emergence of new challenges and threats associated with the military use of artificial intelligence, cybercrime, and information warfare. The goal of this study is to identify key trends in the application of artificial intelligence technologies in international practice, which have a decisive impact on international relations. Therefore, the subject of this study is the phenomenon of artificial intelligence, examined in the context of its impact on contemporary

international processes, including diplomatic activity, information warfare, the emergence of new threats and opportunities in defense and security, the development of state digital sovereignty, and international cooperation.

Methods and materials. The study used content analysis of official documents, formal-logical analysis, case studies, discourse analysis of the media and official texts, as well as the concept of actorhood in international relations.

Results. The study revealed that artificial intelligence is becoming a full-fledged participant in the system of international relations, gradually acquiring subjectivity. It is actively used in diplomacy, influencing the nature of war, redefining the concept of sovereignty, and creating new instruments of geopolitical influence. To minimize risks, the global community needs to establish common ethical and legal norms for the use of artificial intelligence. However, disagreements between countries leading to the development of artificial intelligence technologies are an obstacle to common agreement.

Discussion and Conclusions. The findings were used to develop practical recommendations for states and international organizations, as well as for international multilateral cooperation in the field of artificial intelligence. The main recommendation emerging from the study is the need to shift from reactive to proactive and preventative management of the transformation brought about by artificial intelligence.

Keywords: actorhood; international relations; generative artificial intelligence; AI diplomacy; information warfare; network platforms; digital sovereignty

For citation: Bakhturidze, Z.Z., Baranov, N.A. The Phenomenon of Artificial Intelligence in the Context of Modern International Processes. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 1. P. 9–25. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.1>. EDN: JWHUOZ.

© Bakhturidze, Z.Z., Baranov, N.A., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) перестал быть технологией будущего, превратившись в действующий фактор глобальной политики. Его интеграция в международные отношения носит революционный характер, бросая вызов традиционным представлениям о суверенитете, безопасности и балансе сил. Эта технология обещает радикально изменить все аспекты человеческого опыта, и основная часть этих перемен произойдет на философском уровне – изменив саму парадигму нашего понимания мира и роли человека в нем. В новой реальности решения будут приниматься тремя способами: людьми, машинами и, что беспрецедентно, людьми и машинами в тесном сотрудничестве. Благодаря ИИ машины эволюционируют из инструментов в партнеров, что создает принципиально новые вызовы и возможности для миропорядка.

Способность технологий ИИ обобщать большие объемы данных позволяет использовать его возможности для прогнозирования международных событий и принятия решений, адекватных сложившимся условиям, что в корне меняет сложившиеся традиционные модели взаимодействия национальных государств и международных организаций. Наряду с повышением эффективности управленческих процессов при этом акцентируется внимание на вопросах безопасности, современного понимания суверенитета, а также этических аспектах взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Понимание влияния ИИ на международное управление становится необходимым для разработки адаптивных стратегий, которые смогут

обеспечить устойчивость и стабильность в условиях стремительно меняющегося глобального ландшафта.

Цель исследования – выявить основные тенденции актуализации технологий искусственного интеллекта в международной практике, решающим образом влияющих на международные отношения. Поэтому предметом исследования выступает феномен искусственного интеллекта, рассматриваемый в контексте его воздействия на современные международные процессы, включающие дипломатическую деятельность, информационное противоборство, возникновение новых угроз и возможностей в сферах обороны и безопасности, становления цифрового суверенитета государств, а также международного сотрудничества.

Методы

Для всестороннего изучения роли искусственного интеллекта в международных отношениях применен комплекс методов. Контент-анализ официальных документов позволил выявить доминирующие нарративы восприятия ИИ в глобальной политике. Формально-логический анализ использован для сопоставления правового статуса ИИ в ключевых юрисдикциях (США, ЕС, Китай), в том числе в последних документах ЮНЕСКО¹, и обоснования подходов к унифицированному международному регулированию. Кейс-стади был применен для изучения функционирования инструментов ИИ в дипломатической деятельности. Дискурс-анализ СМИ и официальных текстов выявил механизмы конструирования общественного образа ИИ как угрозы или возможности.

Общенаучные методы анализа и синтеза применены для выделения сущности акторности ИИ (автономия, агентность), определения его характеристик как субъекта международных отношений и последующего синтеза в целостную модель его мирополитического воздействия. Акторность в международных отношениях предполагает «способность субъектов воздействовать на внешнеполитические процессы, влиять на принятие решений в международной системе, а также отстаивать свои интересы» [1, с. 161]. Современные трансформации системы межгосударственного взаимодействия, появление нестандартных действующих лиц и возникновение инновационных способов проявления силы и влияния привели к изменению понимания природы акторности и самой сути субъектности (актор – это активный субъект в отличие от субъекта потенциального или гипотетического). Несмотря на отсутствие у искусственного интеллекта собственной автономии и реальных возможностей выступать полноправным участником мировых процессов, эксперты полагают, что в будущем подобные перспективы вполне вероятны. Недаром авторы книги «Искусственный разум и новая эра человечества» отмечают, что воздействие ИИ на все сферы жизни будет прорывным, полагая, что «нас ждут такие изменения человеческой идентичности и человеческого восприятия реальности, каких в современном мире еще не случалось» [2, с. 10].

В эпоху цифровизации акторность смещается к цифровым сущностям, таким как цифровые платформы, киберсистемы, искусственный интеллект, а критериями

¹ Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Adopted on 23 November 2021 // UNESDOC Digital library: [сайт]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 26.01.2026).

акторности становятся ресурсы, автономия (независимые действия) и легитимность в глазах международного сообщества.

Характеризуя влияние ИИ на современный мировой порядок, марокканский исследователь Ф. Румате отмечает следующие его особенности: он более реалистичен, чем существующий процесс выработки политических решений; может анализировать большие данные и принимать решения быстрее, чем люди; может способствовать созданию нового баланса сил; может быть использован в рамках любого типа силы (жесткой, мягкой и «умной» силы) для достижения национальных интересов; может прогнозировать будущее и помогать в разработке перспективных стратегий на основе четко определенных целей; может направлять эмоции и общественное мнение в русло национальных интересов [3, р. VII]. Ф. Румате выносит на обсуждение следующие предложения: разработать международную конвенцию по этике ИИ, а также конвенцию о запрете смертоносных автономных систем; осуществить реформу Устава ООН с учетом трансформации международной безопасности; сократить технологический разрыв между Глобальным Севером и Глобальным Югом и способствовать включению всех в глобальное управление; всем странам следует реализовать национальные стратегии в области ИИ на основе участия всех заинтересованных сторон и реальной координации между академическим сообществом как производителем знаний и новых технологий ИИ, компаниями как создателями новых инструментов на базе ИИ и политическим обществом, которое следит за обновлением законодательства и законов [3].

Важно подчеркнуть, что, с одной стороны, на мировой арене разворачивается масштабная борьба за лидерство в области искусственного интеллекта, владение которым становится столь же значимым фактором геополитической мощи, каким было обладание ядерным арсеналом в XX веке, а «государства, сформировавшие свои суверенные технологические платформы, становятся участниками престижного закрытого клуба, похожего на ядерный» [4, с. 3]. В этом контексте самодостаточность и конкурентоспособность в разработке ИИ-платформ приобретают стратегическую необходимость. С другой стороны, сам ИИ обретает черты актора по мере эволюции, способствуя выполнению задач, взаимодействию с человеком и самостоятельной адаптации к изменениям.

Результаты

ИИ-дипломатия: потенциал и вызовы трансформации внешней политики

В XXI веке дипломатическая деятельность переживает глубокую трансформацию под влиянием цифровых технологий, среди которых главенствующие позиции занимает искусственный интеллект. Более не являясь предметом научной фантастики, ИИ становится стратегическим инструментом в арсенале государств, переопределяя методы анализа, коммуникации и принятия решений в международных отношениях.

Среди ключевых направлений применения ИИ в дипломатии выделим следующие:

1. Анализ больших данных и прогнозирование, так как дипломатия всегда основывалась на информации, а ИИ способен обрабатывать колоссальные массивы неструктурированных данных (новостные ленты, документы международных

организаций, соцсети, транскрипты речей). Алгоритмы машинного обучения выявляют скрытые связи, тенденции и сигналы раннего предупреждения о потенциальных конфликтах, социальной нестабильности или экономических кризисах. Это позволяет перейти от реактивной к проактивной дипломатии.

Широкое применение технологий ИИ в дипломатии обусловливается возможностью анализировать большие данные в целях выявления тенденций в международных отношениях и мировой политике, на которые можно своевременно отреагировать с учетом национальных интересов либо предотвратить нежелательные последствия. ИИ широко применяется для анализа нормативных документов, деклараций, официальных заявлений политиков, что способствует более глубокому погружению в актуальную проблему и поиску способов реагирования на потенциальные вызовы и угрозы.

2. «Цифровая» или «вычислительная» дипломатия. ИИ оптимизирует коммуникацию с иностранной аудиторией. Алгоритмы анализируют восприятие страны в мировых медиа, помогают формировать нарративы, адаптировать сообщения для разных культурных контекстов и выявлять ключевых инфлюенсеров. Технологии обработки естественного языка используются для мониторинга выполнения международных договоров и анализа позиций сторон на переговорах.

3. Дипломатия переговоров. Хотя живое человеческое взаимодействие незаменимо, ИИ выступает как мощный ассистент. Он может моделировать сценарии переговоров, рассчитывать последствия тех или иных уступок, проверять текст договоров на внутренние противоречия и «слепые зоны», а также обеспечивать сверхбыстрый перевод с сохранением смысловых нюансов. Выполнение рутинных операций становится широко распространенной практикой не только для дипломатических представительств, но и для большинства управленческих структур. ИИ помогает успешно преодолевать языковые барьеры и облегчает коммуникацию.

4. Консульская работа и кризисное реагирование. ИИ-чаты и боты способны оперативно обрабатывать запросы граждан, а системы анализа данных помогают прогнозировать и отслеживать кризисные ситуации (стихийные бедствия, эвакуации), оптимизируя ресурсы МИД и посольств. Появились также инструменты по автоматизации предоставления консульской помощи.

5. Кибердипломатия и безопасность. ИИ – это и поле битвы, и оружие. Государства ведут диалог (и конфронтацию) по поводу норм ответственного поведения в киберпространстве, использования автономных систем вооружений. Дипломатам необходимы глубокие знания, чтобы участвовать в формировании международного режима регулирования ИИ, предотвращении гонки вооружений и снижении рисков, связанных с гибридными угрозами (например, дезинформацией, генерируемой ИИ).

Так наряду с полезным применением возникают серьезные риски, вызовы и этические дилеммы использования ИИ. В первую очередь, речь идет об усилении асимметрии, так как технологический разрыв между государствами может превратиться в непреодолимый дипломатический разрыв. Страны, лидирующие в сфере ИИ, получают колоссальное аналитическое и стратегическое преимущество.

Обрисовывается проблема дегуманизации и предвзятости, когда чрезмерная ориентация на алгоритмы может привести к утрате человеческого взаимопонимания, интуиции и культурного контекста.

Дипломатический стиль общения характеризуется использованием метафор, символов и глубоких смыслов даже в стандартных формулировках, что вызывает вопрос: способен ли искусственный интеллект уловить тонкости такого языка? Исследования швейцарско-мальтийского фонда DiploFoundation², занимающегося интеграцией дипломатии и современных технологий, показывают, что главной трудностью для ИИ является понимание контекста дипломатических высказываний, умение интерпретировать подтекст, выраженный намеками, распознавать конструктивную неопределенность, различать тонкие оттенки значений аналогий, выявлять ключевые фразы, определяющие суть соглашений, и поддерживать равновесие между компромиссами и преимуществами сторон. Тем не менее, несмотря на существующие ограничения, дальнейший технологический прогресс демонстрирует улучшение способностей ИИ в интерпретации дипломатических коммуникаций. Однако ИИ может унаследовать и усилить предвзятость обучающих данных, что приведет к искаженным аналитическим выводам.

Нельзя не упомянуть появление угрозы безопасности и доверию. Использование ИИ для создания дипфейков в дезинформационных кампаниях или для кибератак подрывает фундамент международного доверия. Возникает потребность в новых форматах верификации информации и идентификации. При этом увеличивается ответственность дипломатов за достоверность и убедительность своей работы.

А ко всему прочему при использовании ИИ для принятия решений сложно определить ответственность за ошибку. «Черный ящик» некоторых алгоритмов противоречит принципам транспарентности, которые важны для публичной дипломатии.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что ИИ не заменит дипломата, но дипломат, владеющий ИИ, заменит того, кто им не владеет. Будущее за гибридной моделью, где стратегическое мышление, эмоциональный интеллект и этические суждения человека усиливаются скоростью, масштабом и аналитической мощностью машин. Таким образом, в целом роль ИИ в международной дипломатии будет только расти, а дипломатам предстоит важная задача – развитие глобального консенсуса по управлению искусственным интеллектом.

Если эти выводы окажутся верными, то для интеграции ИИ будут необходимы инвестиции в цифровую инфраструктуру и образование дипломатов (подготовка «дипломата-аналитика данных»), развитие международного права и многосторонних форумов (например, в рамках ООН, ОЭСР, G20) для выработки общих принципов ответственного использования ИИ в международных отношениях и конечно же – создание межгосударственных платформ для обмена лучшими практиками и снижения рисков.

ИИ превращает дипломатию из искусства, основанного исключительно на опыте и интуиции, в высокотехнологичную дисциплину, основанную на данных. Это создает беспрецедентные возможности для предотвращения конфликтов и глобального

² About us // Diplo: [сайт]. URL: <https://www.diplomacy.edu/about-us/> (дата обращения: 14.01.2026).

управления, но одновременно порождает новые угрозы стабильности. Главный дипломатический вызов ближайшего десятилетия будет заключаться не в том, как использовать ИИ для получения преимущества, а в том, как совместно создать международные рамки, которые превратят ИИ из потенциального источника нестабильности в инструмент построения более безопасного и предсказуемого мирового порядка.

*Генеративный ИИ и информационное противоборство:
формирование стратегии доминирования в цифровую эпоху*

Информационное противоборство, всегда бывшее полем битвы нарративов, переживает тектонический сдвиг с появлением генеративного искусственного интеллекта (GenAI). Если раньше создание убедительного контента требовало времени, ресурсов и человеческого мастерства, то теперь GenAI демократизирует и гипермасштабирует производство информационного оружия, стирая грань между реальностью и вымыслом. В результате происходят ключевые трансформации, вносимые генеративным ИИ. Благодаря масштабу и скорости становится возможным производить тысячи уникальных текстов, изображений, аудио- и видеороликов в минуту, на любом языке, мгновенно наводняя информационное пространство. Персонализация и микротаргетирование позволяют алгоритмам анализировать цифровые следы пользователей и генерировать контент, идеально адаптированный под их страхи, убеждения и культурный контекст, что превращает широкоэвangelическую пропаганду в точечное психологическое воздействие. GenAI подрывает саму основу эмпирической реальности через сфабрикованные фотоснимки событий, правдоподобные, но ложные новостные сводки, deepfake-видео с политиками, что ведет к эрозии общественного доверия ко всем источникам информации. Более того влияние становится автоматизированным, создание целых сетей ботов-«журналистов», «экспертов» и «очевидцев» с уникальными биографиями и стилем общения становится тривиальной задачей. Это позволяет вести скоординированные кампании влияния, имитирующие органичную общественную дискуссию.

Системы ИИ активно используются западными странами для сдерживания России, навязывания ей своих алгоритмов. В процессе тестирования моделей ИИ, созданного на Западе, оказалось, что они не являются политически нейтральными и воспроизводят политические взгляды своих создателей, чаще всего леволиберального толка. Как отмечает сербский исследователь М. Джуркович, «западные системы ИИ встраивают в свои алгоритмы идеологические, политические и геополитические позиции и что каждое крупное государство, которое имеет для этого силы и возможности, создаёт свою собственную систему ИИ и стремится суверенно её контролировать, побуждая своих граждан использовать именно её» [5].

В стратегическом плане GenAI превращает информационное противоборство из тактического инструмента в стратегическую среду постоянного «полевого» воздействия на сознание населения противника. Целью становится не просто продвижение своей правды, а подрыв способности противника отличать правду от лжи, что ведет к параличу принятия решений и социальной атомизации. Так генеративный ИИ становится «оружием массового убеждения». Он не просто усилил

старые методы, а создал качественно новую угрозу – угрозу эпистемологической безопасности. Победа в этом новом виде противоборства будет принадлежать не тому, кто создаст больше фейков, а тому, кто сможет лучше защитить когнитивное пространство своего общества, сочетая технологические инновации, правовое регулирование и инвестиции в человеческий капитал. Следует особо подчеркнуть и тот факт, что это оружие становится особенно опасным в периоды избирательных кампаний и социальной напряженности. Вовлечение технологий ИИ в гибридную войну против России осуществляется посредством его внедрения в политико-дипломатическую, экономическую и информационную сферы, результатом чего стала русофобская политика, осуществляемая западными странами в отношении государства и российских граждан.

Наиболее активно технологии ИИ коллективный Запад использует в когнитивном оружии: «для изменения когнитивных процессов у противника, умственных предубеждений или рефлексивного мышления, а также для провоцирования искажений мышления, негативного влияния на принятие решений как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях» [6].

ИИ и трансформация военно-стратегического баланса

Военно-стратегический баланс, веками определявшийся географией, численностью войск и количеством вооружений, смещается в сторону технологического и, в частности, алгоритмического превосходства. ИИ перестал быть вспомогательным инструментом и превращается в ключевой фактор военной мощи, переопределяя понятия сдерживания, скорости ведения войны и самой природы решающего преимущества.

Внедрение нечеловеческого мышления в военные системы кардинально меняет природу стратегии и тактики. Например, нарушается привычная логика принятия решений в автономных системах. Так, если армии примут на вооружение стратегию, сформированную ИИ, ход мыслей которого непонятен людям, традиционные концепции обороны и сдерживания будут нарушены. Большинство военных доктрин основано на предположении о противнике – человеке, действующем в рамках понятной логики. Однако ИИ, управляющий боевой системой, будет следовать собственной, неведомой противнику логике, работая со скоростью, недоступной для человеческого мышления. Это лишает смысла привычные демонстративные действия, которые были понятными сигналами в «человеческой» войне [2, с. 115].

В киберпространстве происходит эскалация рисков. Появление кибервозможностей, усиленных ИИ, усугубляет риск непреднамеренной эскалации, особенно в ядерной сфере [7]. ИИ может использоваться для поиска уязвимостей в критической инфраструктуре и системах управления войсками, создавая угрозы для стратегической стабильности. Опасность заключается в том, что восприятие возможностей ИИ другой стороной может спровоцировать превентивные действия и кризисную нестабильность.

НАТО проявляет значительный интерес к применению искусственного интеллекта. В октябре 2021 г. Альянс принял стратегию по ИИ, сосредоточенную на трёх приоритетах: коллективной обороне, урегулировании кризисных ситуаций и укреплении безопасности посредством сотрудничества. Внедрение технологий

планируется с учётом трансатлантических ценностей и международно-правовых норм³. В июле 2024 г. стратегия была обновлена – в неё добавили расширенный перечень сценариев использования ИИ и уточнили особые требования к развитию цифрового потенциала НАТО⁴.

ИИ трансформирует не только оружие, но саму логику сдерживания и стратегического расчёта. Классический баланс, основанный на ясном соотношении сил, сменяется «балансом неопределённости», где ключевую роль играют непредсказуемость алгоритмов, скорость эскалации и уязвимость цифровых систем. Превосходство будет определяться не количеством боеголовок или танков, а качеством данных, устойчивостью алгоритмов и способностью интегрировать ИИ в командные структуры, сохраняя при этом окончательный этический и стратегический суверенитет человека. Будущая стабильность потребует выработки новых «правил игры» возможно, режимов контроля за военным ИИ, аналогичных ядерным договорам, чтобы предотвратить сползание в эру алгоритмических войн, где риски эскалации станут неуправляемыми.

Геополитика сетевых платформ и цифровой суверенитет

Цифровое пространство перестало быть нейтральной «виртуальной средой» и превратилось в ключевой театр геополитического противостояния. Сетевые платформы (соцсети, поисковики, облачные сервисы, маркетплейсы) стали инфраструктурой современной экономики, политики и общества. Контроль над ними, потоками данных и архитектурой коммуникаций сегодня означает контроль над влиянием, безопасностью и суверенитетом в XXI веке. Понятие «цифровой суверенитет» вышло на первый план как стремление государства или блока государств обеспечить технологическую независимость, правовую юрисдикцию над данными и безопасность своих цифровых экосистем. Тот, кто обладает большими объемами данных и способностью их обрабатывать, получает преимущество в разработке ИИ, ведении экономической разведки, таргетировании пропаганды и прогнозировании социальных процессов. Противостояние США и Китая во многом является борьбой за мировое лидерство в сфере данных и алгоритмов.

Способность сетей формировать общественное мнение, продвигать ценности и мобилизовывать людей делает их объектом государственного регулирования и, одновременно, инструментом внешнеполитических кампаний. Зависимость целых стран от американского облака, китайской телекоммуникационной инфраструктуры или западных систем платежей создает точки стратегического давления. Отключение России от SWIFT и уход IT-гигантов – яркий пример использования инфраструктурной зависимости как санкционного оружия.

Растущее геополитическое влияние сетевых платформ, работающих на основе ИИ, стало новым ключевым фактором международных отношений. Конкуренция за экономические предпочтения, технологическое первенство и цифровую безопасность

³ Summary of the NATO Artificial Intelligence Strategy. 22 Oct. 2021 // North Atlantic Treaty Organization (NATO): [сайт]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_187617.htm (дата обращения: 14.01.2026).

⁴ Summary of NATO's revised Artificial Intelligence (AI) strategy. 10 Jul. 2024 // North Atlantic Treaty Organization (NATO): [сайт]. https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227237.htm (дата обращения: 14.01.2026).

уже разворачивается между основными центрами силы, каждый из которых предлагает свою модель развития.

Схожей модели придерживаются США и Китай. США сохраняют лидерство благодаря инновационному превосходству, притоку в страну талантов со всего мира и мощной экосистеме стартапов. Китай, в свою очередь, проводит политику жесткой внутренней конкуренции и защиты внутреннего рынка, целенаправленно создавая лидеров в сфере ИИ, способных выйти на глобальные рынки. Обе державы рассматривают технологическое лидерство как основу будущей экономической и военной мощи.

ЕС придерживается регуляторного подхода. Европейский союз, не имея цифровых платформ, сравнимых с американскими или китайскими, делает ставку на их жесткое регулирование. Формируя «цифровую крепость», ЕС стремится устанавливать правила на своем рынке, защищая права граждан и поддерживая свои этические и социальные стандарты. Об этом свидетельствует Регламент по использованию ИИ, вступивший в силу в августе 2024 года, который нацелен на повышение эффективности внутреннего рынка и поддержку внедрения человеко-ориентированного и вызывающего доверие искусственного интеллекта [8]. Документ выделяет четыре категории ИИ-систем: с ограниченным риском, с неприемлемым риском, с высоким риском и генеративные системы (нейросети). В нём также перечислены участники разработки, внедрения, эксплуатации и надзора за ИИ-системами и моделями, а также установлены их обязанности и полномочия, включая права и ответственность национальных и наднациональных органов [9, с. 5].

Среди других акторов исследователи выделяют Индию, обладающую большим интеллектуальным капиталом и масштабным внутренним рынком, достаточными для поддержания независимых сетевых платформ, а также Россию, которая доказала свои возможности в области кибербезопасности, современных инновационных видов вооружений и поэтому считающейся одной из великих технологических держав мира [2, с. 92–93].

Растущее влияние цифровых платформ означает, что кроме государств в глобальной стратегии участвуют платформенные корпорации и разработчики, так как их решения имеют политический эффект.

Конкуренция за геополитическое влияние сетевых платформ ведет к потенциальной регионализации изначально глобального интернета. Формируются сферы технологических стандартов, где различные сетевые платформы развиваются по параллельным, но различным траекториям, что затрудняет общение и обмен между ними. Между геополитическими акторами разворачивается жесткая борьба за продвижение своих стандартов, по которым будет развиваться ИИ.

Велика вероятность того, что «цифровой суверенитет» все чаще будет использоваться как идеологическое прикрытие для протекционизма и усиления государственного контроля над обществом. Геополитика сетевых платформ – это борьба за будущее устройство мирового порядка.

Цифровой суверенитет из технической задачи превратился в политический проект, определяющий границы национального влияния в цифровую эпоху. Победитель в этой борьбе определит не только то, чьи компании будут доминировать,

но и чьи ценности, правовые нормы и модели управления станут доминирующими в виртуальном пространстве, которое уже неотделимо от реального.

По сути, на наших глазах формируется многополярный цифровой мир, где конфликты будут происходить не столько на земле, сколько в облаках, в коде алгоритмов и в потоках данных. Поэтому нашей важнейшей задачей станет найти возможность избежать или хотя бы минимизировать их.

Искусственный интеллект в контексте международного сотрудничества

Искусственный интеллект, являясь ключевой технологией нашего времени, создает уникальную дилемму для мирового сообщества. С одной стороны, он стал полем ожесточенной геостратегической и технологической конкуренции, особенно между США и Китаем. С другой – его транснациональное воздействие (на экономику, безопасность, права человека) настоятельно требует выработки общих норм, стандартов и правил. ИИ, таким образом, стал не просто темой, а новой архитектурной основой для международного сотрудничества в условиях растущего раскола.

Вредоносное использование ИИ (дестабилизирующие deepfakes, автономное кибероружие, алгоритмическая дезинформация) не признает национальных границ. Угроза исходит не только от государств, но и от негосударственных акторов. Без диалога и базовых договоренностей эти риски становятся неуправляемыми для всех. Для функционирования глобальной экономики (торговля, логистика, финансы, связь) необходима совместимость ИИ-систем, стандарты обмена данными и протоколы кибербезопасности. Стихийная фрагментация технологических экосистем несет огромные издержки. Решение проблем, требующих анализа огромных данных (изменение климата, пандемии, исследование космоса, моделирование биоразнообразия) возможно только через объединение вычислительных ресурсов, данных и научных компетенций разных стран. Спутниковые данные, радиочастотный спектр, открытые научные базы знаний – это ресурсы, управление которыми требует многосторонних соглашений. ИИ как инструмент их обработки усиливает эту потребность.

Парадокс современной международной системы заключается в том, что, действуя в интересах собственной безопасности, каждая держава должна неявно признавать ответственность за поддержание всеобщего мира. Управление технологиями ИИ становится проверкой способности человечества к коллективным действиям. Исторически государства смогли выработать ограничения на применение химического оружия, теперь возникает насущная необходимость выработать новые нормы, регулирующие применение ИИ в военной сфере. Эти соглашения должны быть достигнуты до того, как технологии ИИ сделают эскалацию неконтролируемой. Ключевыми для формирующегося сотрудничества могут стать следующие сферы: безопасность и контроль над вооружениями; экономика и стандартизация; этика, права человека и управление данными; наука и глобальные вызовы.

С 2023 г. проводятся международные саммиты по искусственному интеллекту. В ходе третьего саммита, прошедшего 10–11 февраля 2025 г. в Париже была принята декларация «Об инклюзивном и устойчивом искусственном интеллекте», констатирующая необходимость преодоления цифрового разрыва через доступность

ИИ, создания этических правил, соответствующих международным нормам, международное сотрудничество в вопросах управления ИИ [10].

Интенсивная деятельность осуществляется также внутри структуры Организации Объединённых Наций. Например, 26 октября 2023 г. был сформирован Высший консультативный орган по искусственному интеллекту, занимающийся изучением угроз, перспектив и вопросов международной регуляции данной сферы. В марте 2024 г. Генассамблея ООН одобрила первую резолюцию по американской инициативе, посвящённую применению безопасных, устойчивых и надежных технологий искусственного интеллекта для целей устойчивого развития. Позже поступила инициатива китайской стороны с еще одной резолюцией по вопросам ИИ. Наконец, 22 сентября 2024 г. сессия Генеральной Ассамблеи утвердила проект Глобального цифрового договора, подразумевающего организацию всемирного диалога по управлению технологиями искусственного интеллекта с целью согласованного взаимодействия стран всего мира.

В связи с рисками, угрожающими правам человека и усугубляющими существующее неравенство, актуализируются этические аспекты функционирования ИИ. Поэтому в ноябре 2021 года 193 государства – члена ООН приняли первый глобальный нормативный документ в этой области – Рекомендацию по этическим аспектам искусственного интеллекта, в которой были выделены четыре основных ценностных установки, закладывающих основу для систем ИИ и работающих на благо человечества, отдельных людей, обществ и окружающей среды: человеческое достоинство и права человека; жизнь в мирных, справедливых и взаимосвязанных обществах; обеспечение разнообразия и инклюзивности; благополучие окружающей среды и экосистем⁵.

Этическая сторона в деятельности ИИ также находится в центре внимания ведущих стран [11]. 15 августа 2023 г. в Китае приняты и начали действовать Правила управления генеративным ИИ, в соответствии с которыми требуется лицензирование и возможна цензура контента. В ноябре 2023 года принято соглашение 18 стран, в основном западных, предполагающее защиту от кибератак и неправомерного использования (например, мошенничества), мониторинг систем на предмет злоупотреблений, обеспечение безопасности данных на всех этапах жизненного цикла ИИ. В июле 2024 г. компании OpenAI и Google подписали добровольные обязательства по безопасности ИИ в рамках инициативы Белого дома. А в октябре 2024 г. в Великобритании прошел первый глобальный саммит по безопасности ИИ.

Проблемы искусственного интеллекта рассматриваются в рамках таких международных объединений, как «Большая двадцатка», БРИКС, ШОС, СНГ, ЕАЭС, что свидетельствует о высокой значимости данной проблемы в рамках международной деятельности [12].

Страны-лидеры стремятся экспортировать свои стандарты, чтобы закрепить конкурентное преимущество. Страны-последователи опасаются новой формы цифрового колониализма, а общая эрозия доверия в международных институтах

⁵ Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Adopted on 23 November 2021 // UNESDOC Digital library: [сайт]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 26.01.2026).

затрудняет достижение консенсуса по столь сложным вопросам, как ИИ. Между тем искусственный интеллект не станет аналогом космоса или ядерного оружия 1960-х, где доминировала биполярная логика и сравнительно четкое разграничение сфер. Он более диффузен, коммерциализирован и глубоко встроен в социум. Скорее всего в ближайшей перспективе кооперация будет носить «отраслевой» и фрагментарный характер, углубляться в технических областях (стандарты, климат), но оставаться поверхностной и декларативной в сферах, затрагивающих национальную безопасность и ценностные основы.

Таким образом, международное сотрудничество по ИИ будет развиваться по парадоксальной траектории, углубляясь по мере нарастания рисков, но постоянно отставая от темпов развития самой технологии. Его будущее зависит от способности мирового сообщества выделить узкие, но критически важные сферы, где общий интерес к выживанию и стабильности перевесит краткосрочные конкурентные преимущества.

Выводы

Эволюция искусственного интеллекта предполагает расширение эпистемологических рамок для понимания объективной реальности. В контексте международных отношений – сфере, имеющей критическое значение для человечества в силу вопросов безопасности, конфликтов и ответов на глобальные вызовы – формирование новой акторности способно привести к значительной трансформации. Этот процесс несет потенциал для содействия устойчивому развитию, но чреват и новыми рисками для международного диалога. В связи с пересмотром критериев субъектности в научном сообществе укрепляется позиция, что ИИ уже обрел или в обозримом будущем обретет статус самостоятельного актора, влияющего на мировую политику напрямую и косвенно через транснациональные политические решения, системы оценки рисков и регулирование коммуникационного пространства.

Мировое сообщество пытается минимизировать риски ИИ, создавая общие этические и правовые нормы для уязвимых сфер. Однако разногласия между крупнейшими странами по вопросам регулирования препятствуют согласию, усиливая потребность в более тесной кооперации. Ключевую роль в этой координации уже играют инициативы, продвигаемые в рамках ООН.

Таким образом, ИИ становится полноправным участником системы международных отношений, органично вписавшись в формирующуюся мировую архитектуру. Он меняет природу войны, переопределяет понятие суверенитета и создает новые инструменты геополитического влияния. В этих условиях странам необходимо рассматривать ИИ и сетевые платформы амбивалентно: и как вопрос внутреннего регулирования, и как вызов международной безопасности. Будущее международных отношений будет зависеть от способности ведущих держав найти баланс между технологической гонкой и ответственностью, выработав новые правила для эпохи, когда партнером человека в принятии решений становится машина, наделенная технологией искусственного интеллекта.

На основании вышеизложенного предлагаем рекомендации для наиболее эффективного использования ИИ в международной практике.

Для государств и международных организаций:

- активизировать переговоры в рамках ООН по разработке юридически обязательного протокола, запрещающего или строго ограничивающего применение смертоносных автономных систем вооружений. Использовать исторические прецеденты (конвенции по химическому и биологическому оружию) как основу;
- создать постоянные каналы коммуникации между ведущими державами для управления кризисами, связанными с ИИ в киберпространстве и военной сфере, с целью предотвращения непреднамеренной эскалации;
- создавать в министерствах иностранных дел специализированные подразделения по цифровой дипломатии и управлению ИИ, способные участвовать в сложных международных переговорах;
- разрабатывать национальные стратегии «цифрового суверенитета», которые балансируют между защитой данных граждан, стимулированием инноваций и обеспечением технологической взаимозависимости;
- инвестировать в ИИ-инструменты для анализа международной информации (Big Data) и поддержки дипломатических решений, параллельно разрабатывая протоколы проверки информации для борьбы с дезинформацией;
- пересматривать военные доктрины с учетом «алгоритмической войны». Учесть, что противником может быть нечеловеческий интеллект с непонятной логикой;
- внедрять принципы «ответственного ИИ» в оборонные закупки и разработки, обеспечивая постоянный содержательный контроль человека в критических решениях.

Для международного многостороннего сотрудничества:

- поддерживать и расширять мандат Консультативного органа высокого уровня по ИИ, стремясь преобразовать его рекомендации в конкретные рабочие группы по разным аспектам (безопасность, этика, развитие);
- поощрять формирование тематических коалиций государств и заинтересованных сторон, кроме ООН, для решения конкретных проблем, например, по регулированию генеративного ИИ или использованию ИИ для Целей устойчивого развития;
- содействовать диалогу не только между политиками и юристами, но и между техническими экспертами разных стран для выработки общих стандартов интероперабельности, кибербезопасности и тестирования ИИ-систем.

Главная рекомендация, вытекающая из исследования – необходимо перейти от реактивного к проактивному и превентивному управлению трансформацией, которую несет ИИ. Окно возможности для формирования стабильных, справедливых и безопасных правил игры еще открыто, но оно быстро сужается по мере ускорения технологического прогресса и нарастания геополитической конкуренции. Будущее международного управления зависит от способности человечества проявить коллективную мудрость, поставив технологии на службу глобальной стабильности, а не новым формам конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов Н.А. Искусственный интеллект как новый актер системы международных отношений: вызовы и перспективы // PolitBook. 2025. № 3. С. 159–179. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-159-179>. EDN: MLZZPT.
2. Киссинджер Г.А. Искусственный разум и новая эра человечества / Г. Киссинджер, Э. Шмидт,

- Д. Хаттенлокер; пер. с англ.: К. Ахметов. Москва: Альпина ПРО, 2022. 198 с.
3. Roumate, F. Artificial Intelligence and the New World Order. New Weapons, New Wars and a New Balance of Power. Cham: Springer, 2024. XII, 165 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-50312-2>.
 4. Безруков А., Мамонов М., Ребро О., Сушенцов А. Realpolitik в «цифре»: суверенитет, союзы и неприсоединение в XXI веке. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Сентябрь 2021 // Международный дискуссионный клуб «Валдай»: [сайт]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/39047/> (дата обращения: 14.01.2026).
 5. Джуркович М. Проблемы регулирования искусственного интеллекта. 12.12.2024 // Международный дискуссионный клуб «Валдай». [сайт]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/problemy-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 14.01.2026).
 6. Смирнов А.И., Исаева Т.В. Международная безопасность: вызовы и угрозы технологий искусственного интеллекта // Международная жизнь. 2023. № 8. С. 94–107. EDN: ALSAZN.
 7. Johnson, J. The AI-cyber Nexus: Implications for Military Escalation, Deterrence and Strategic Stability // Journal of Cyber Policy. 2019. Vol. 4. Iss. 3. P. 442–460. <https://doi.org/10.1080/23738871.2019.1701693>.
 8. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 // Official Journal of the European Union: [сайт]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (дата обращения: 14.01.2026).
 9. Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте. Анализ основных положений и принципов регулирования. АНО «Цифровая экономика», 2024. [эл. доступ]. URL: <https://d-economy.ru/analytic/reglament-es-ob-iskusstvennom-intellekte/> (дата обращения: 16.01.2026).
 10. Statement on Inclusive and Sustainable Artificial Intelligence for People and the Planet. 11 Feb. 2025 // La Maison Élysée: [сайт]. URL: <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2025/02/11/statement-on-inclusive-and-sustainable-artificial-intelligence-for-people-and-the-planet> (дата обращения: 14.01.2026).
 11. Солодов Д.А., Шиверов П.К., Иванова П.Н. Искусственный интеллект в международных отношениях и дипломатической службе // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 4 (26). С. 79–94. EDN: ILYSVM.
 12. Выходец Р.С. Политика стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3 (41). С. 106–117. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-03-106-117>. EDN: SIZGKC.

REFERENCES

1. Baranov, N.A. Artificial Intelligence as a New Actor in the System of International Relations: Challenges and Prospects. *PolitBook*. 2025. № 3. P. 159–179. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-159-179>. EDN: MLZZPT.
2. Kissinger, G.A. Artificial Intelligence and the New Era of Mankind / G. Kissinger, E. Schmidt, D. Hattenlocker; translated from English: K. Akhmetov. Moscow: Alpina PRO, 2022. 198 p. (In Russian).
3. Roumate, F. Artificial Intelligence and the New World Order. New Weapons, New Wars and a New Balance of Power. Cham: Springer, 2024. XII, 165 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-50312-2>.
4. Bezrukov, A., Mamonov, M., Rebro, O., Sushentsov, A. Realpolitik v «tsifre»: suverenitet, soyuzy i neprisoedineniye v XXI veke. Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday» [Realpolitik in Digital: Sovereignty, Alliances and Non-Alignment in the 21st Century. Report of the Valdai International Discussion Club]. September 2021. *Valdai International Discussion Club*. Available at <https://ru.valdaiclub.com/files/39047/> (accessed: 14.01.2026). (In Russian).
5. Djurkovich, M. Problemy regulirovaniya iskusstvennogo intellekta [Problems of Artificial Intelligence Regulation]. 12.12.2024. *Valdai International Discussion Club*. Available at <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/problemy-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta/> (accessed: 14.01.2026). (In Russian).
6. Smirnov, A.I., Isaeva, T.V. International Security: Challenges and Threats of Artificial Intelligence Technologies. *The International Affairs*. 2023. No. 8. P. 94–107. (In Russian). EDN: ALSAZN.
7. Johnson, J. The AI-cyber Nexus: Implications for Military Escalation, Deterrence and Strategic

Stability. *Journal of Cyber Policy*. 2019. Vol. 4. Iss. 3. P. 442–460.
<https://doi.org/10.1080/23738871.2019.1701693>.

8. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024. *Official Journal of the European Union*. Available at <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (accessed: 14.01.2026).

9. Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте. Анализ основных положений и принципов регулирования [European Union Regulation on Artificial Intelligence. Analysis of the Main Provisions and Principles of Regulation]. ANO “Digital Economy”, 2024. Available at <https://d-economy.ru/analytic/reglament-es-ob-iskusstvennom-intellekte/> (accessed: 16.01.2026). (In Russian).

10. Statement on Inclusive and Sustainable Artificial Intelligence for People and the Planet. 11 Feb. 2025. *La Maison Élysée*. Available at <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2025/02/11/statement-on-inclusive-and-sustainable-artificial-intelligence-for-people-and-the-planet> (accessed: 14.01.2026).

11. Solodov, D.A., Shiverov, P.K., Ivanova, P.N. Artificial Intelligence in International Relations and Diplomatic Service. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*. 2020. No. 4 (26). P. 79–94. (In Russian). EDN: ILYSVM.

12. Vykhodets, R.S. The EAEU’s AI Strategy. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022. Vol. 16. No. 3 (41). P. 106–117. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-03-106-117>. EDN: SIZGKC.

Сведения об авторах / Information about authors

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна – доктор политических наук, директор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: bahtur_zz@spbstu.ru

ORCID: 0000-0001-7280-6466

Баранов Николай Алексеевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Факультета международных отношений и политических исследований; Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: nicbar@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3547-3644

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Bakhturidze Zeynab Z. – Doctor of Political Science, Director of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: bahtur_zz@spbstu.ru

ORCID: 0000-0001-7280-6466

Baranov Nikolay A. – Doctor of Political Science, Full Professor, Department of International Relations, Faculty of International Relations and Political Studies; North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: nicbar@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3547-3644

The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026.

Одобрена после рецензирования 04.02.2026.

Принята 04.02.2026.

Received 15.01.2026.

Approved after reviewing 04.02.2026.

Accepted 04.02.2026.